

Автор аргументирует свою мысль о древности земледелия у осетин данными археологии, письменных источников, фольклора. Однако все использованные им источники не уходят глубже эпохи раннего железа, в крайнем случае эпохи бронзы. Мне кажется, этот тезис получил бы дополнительное обоснование, если бы автор привлек многочисленный и строго документированный материал, содержащийся в исследованиях Н. И. Вавилова, посвященных истории культурной флоры Кавказа. Н. И. Вавилов не успел довести до конца задуманный им обобщающий труд «Земледельческий Кавказ», но в его статьях 1935—1940 гг. имеется много данных, свидетельствующих о древности кавказского земледельческого очага (в последних работах он склонен был даже выделять его в качестве первичного).

В работе довольно часто встречается выражение «аланы-осетины». Такая терминология была бы оправдана для сторонника крайней аланской гипотезы осетинского этногенеза, но кажется противоречащей основной концептуальной установке Б. А. Каляева — видеть в осетинах двухкомпонентное по происхождению население.

Я усматриваю известное противоречие также в том, что автор, с одной стороны, постоянно истолковывает нартский эпос в свете скифо-сарматско-аланских параллелей, а с другой стороны, в разделе о народном творчестве утверждает местное происхождение эпоса. Последнее утверждение, как представляется, близко соответствует действительности — иначе трудно понять существование богатого очага развития нартского эпоса, открытого в Абхазии. Но при безоговорочном принятии этого тезиса также впадаешь в противоречие — слишком велик в составе эпоса удельный вес сюжетов, находящихся истолкование в скифо-сарматско-аланской, я бы даже сказал уже, скифо-сарматской этнографии. Видимо, нартский эпос имеет местную основу, существенно обогащенную за счет иранских эпических мотивов, что свидетельствует о его сложном происхождении.

Наконец, последнее. Автор рассматривает некоторые элементы пищи (*аулибых*) и одежды (*бурку*) как наследие иранского мира, видит в распространении сулгуни в западной Грузии проявление иранского этнического компонента. Что касается последнего, то нельзя ли видеть в нем сравнительно позднее заимствование? Ведь никаких других следов иранского наследия в западной Грузии, насколько мне известно, пока не открыто. Бурка, действительно, напоминает накидки скифов и сармат. Но такие накидки широко распространены у всех народов, пользующихся верховой лошастью, тогда бурку можно сопоставлять, например, с мексиканским серапе. Доказательств же изготовления именно бурок скифами и сарматами как будто нет. Бурка распространена у всех народов Кавказа, даже у тех, которые заведомо не испытывали скифского или сарматского влияния, а за пределами Кавказа не встречается. То же можно повторить и про аулибых — чем отличается он от грузинского и аджарского хачапури и почему его нужно рассматривать именно как результат иранского влияния? У меня возникло сомнение и в правомерности выведения института аталычества из аланского мира; эту мысль автор обосновывает, также ссылаясь на нартский эпос. Необъясненной в этом случае остается тюркская терминология, связанная с аталычеством.

Отдельные замечания не снижают общей оценки рецензируемой книги как значительного этапа в изучении осетин и крупного вклада в этнографическую литературу по народам СССР вообще.

В. П. Алексеев

В. А. Маланчук. Етнографічна діяльність В. Ю. Охримовича. Київ, 1972, 138 стр.

В. Ю. Охримович был, говоря словами великого украинского писателя Ивана Франко, собирателем-систематизатором. Его исследования и сегодня не утратили своего значения. К ним обращаются не только историки этнографической науки, но и авторы конкретных этнографических исследований. Однако до сих пор мы не имели работы, которая давала бы целостную характеристику наследия ученого. Этот пробел ныне восполнен небольшой, но глубокой монографией В. А. Маланчук.

Содержание рецензируемой работы шире ее заглавия, так как в своих исследованиях В. Ю. Охримович освещал и вопросы фольклористики, лингвистики, истории и социологии.

В. А. Маланчук показывает, что формирование научной концепции В. Ю. Охримовича связано с новым этапом в развитии украинской этнографической мысли; именно в этот период развернулась деятельность И. Франко, В. Гнатюка, В. Навроцкого. Наиболее сильное влияние на В. Ю. Охримовича оказали работы И. Франко.

В рецензируемой книге показано место исследований В. Ю. Охримовича в истории этнографической науки. В. А. Маланчук привлекает для сопоставления большой материал, который по существу показывает перспективность типологического изучения этнографических проблем. Приведенные факты позволяют, например, сделать вывод о необходимости типологического изучения тех или иных обычаев и обрядов в рамках славянского региона. Некоторые данные В. Ю. Охримовича могут быть сопоставлены с записями, например, сербских и болгарских фольклористов. Это относится и к наблюдениям о «большой семье», и к описанию свадебного обряда, и некоторым другим вопросам.

Интересен разбор статьи «О родовой общности в Скольских горах», в которой исследуется проблема внутрисемейных отношений и отмечается существование перекрестков семейной общины в бойковских семьях. В статье «Женская доля в Скольских горах» В. Ю. Охримович говорил о положении женщины в бойковской семье. В двух названных выше работах не только освещаются этнографические проблемы, но и содержится интересный фольклорный материал.

Большое внимание уделяет В. А. Маланчук исследованию В. Ю. Охримовича «Значение малорусских свадебных обрядов и песен в истории эволюции семьи», которое связано с усвоением и творческой разработкой прогрессивного учения о первобытном обществе<sup>1</sup>. Как показано в рецензируемой книге, именно труд Моргана натолкнул В. Ю. Охримовича на изучение и глубокий анализ в историческом аспекте быта украинского народа. Одним из первых в этнографической науке он пытался решить вопрос о формировании семьи на Украине, об ее эволюции. При этом семья рассматривалась как активное и постоянно развивающееся начало.

Следует отметить, что, рассматривая работы В. Ю. Охримовича, В. А. Маланчук оригинально анализирует разнообразный этнографический и фольклорный материал. Она приводит интересные факты из истории украинских свадебных обрядов. Известно, что украинский свадебный обряд был предметом пристального внимания Ивана Франко. Думается, что в данном случае его исследования можно было привлечь более широко. Очень интересна, например, небольшая вступительная статья И. Франко к сборнику свадебных песен из с. Лолин.

Одно из ярких исследований В. Ю. Охримовича — большая статья об изучении народных юридических взглядов и обычаев, построенная на обширном этнографическом, фольклорном и лингвистическом материале. В. А. Маланчук сосредоточивает внимание на основных выводах этой работы, выделяя те ее положения, которые не утратили своего значения в настоящее время. Немало поучительного и в методике, применявшейся в этом исследовании. Ученый осуществлял комплексное изучение материала, увязывая анализ конкретных фактов с большими общетеоретическими задачами.

В. А. Маланчук подчеркивает, что В. Ю. Охримович пришел к ряду важных выводов на основе собственных полезных исследований. В этом отношении характерна его статья «Впечатления из Венгерской Руси», содержащая интересные сведения о жизни и материальной культуре закарпатских украинцев. В ней В. Ю. Охримович отмечал политическое и национальное бесправие закарпатских украинцев.

Как верно пишет В. А. Маланчук, статья пронизана глубоким пессимизмом. Не видя сил, способных пробудить народ Закарпатья, В. Ю. Охримович осуждает закарпатскую интеллигенцию за ее инертность. Следует заметить, что в свое время М. П. Драгоманов упрекал В. Ю. Охримовича за пессимизм, который, по его мнению, мешал развертыванию активной практической деятельности и борьбы.

В. А. Маланчук подробно говорит и о политической позиции В. Ю. Охримовича, о его политической эволюции. Наиболее ценные его работы созданы в тот период, когда ученый находился под влиянием революционно-демократической мысли. Но постепенно в его взглядах начали проступать буржуазно-националистические тенденции. В конце концов он стал руководителем буржуазно-националистической партии. Политическая метаморфоза, как показывает В. А. Маланчук, отразилась на его научных занятиях. Проблемы быта украинского народа стали занимать его все меньше и меньше.

В. Ю. Охримович вновь обратился к этнографии тогда, когда ему пришлось провести полтора года в Восточной Сибири. В его работах этого периода отражены ценные наблюдения над жизнью и бытом эвенков. В них затронут целый комплекс вопросов: географические условия и экономика, материальная и духовная культура.

В книге В. А. Маланчук последовательно и методично осуществлен анализ научного наследия В. Ю. Охримовича. Она содержит в себе мысли и факты, представляющие интерес и для этнографов, и для фольклористов, и для лингвистов. Мы можем с удовлетворением констатировать появление еще одного важного и ценного исследования по истории развития этнографической науки на Украине.

М. Я. Гольберг

<sup>1</sup> См. В. Е. Гусев, Марксизм и русская фольклористика конца XIX — начала XX века, М.—Л., 1961, стр. 58—60.

Русские народные песни Карельского Поморья. Составители: А. П. Разумова, Т. А. Коски, А. А. Митрофанова. (Ред. Н. П. Колпакова, муз. ред. Ю. М. Зарицкий). Л., 1971, 452 стр.

Европейский север нашей страны постепенно открывает удивительное богатство своего песенно-поэтического фольклора. В прошлом столетии здесь были открыты ценнейшие «залежи» былинного эпоса, надолго заслонившие собой песенные жанры. В 20-х г. нашего столетия началось активное восполнение этого пробела. В настоящее время песенный фольклор русского населения Печоры, Мезени, Пинеги и Подвигина Архангельской области если еще не изучен в достаточной мере, то, во всяком случае,